

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

«Веселое имя Пушкин» и начало лета вот уже многие годы прочно связаны для нас. В эти дни традиционно прошли торжества, посвященные дню рождения поэта. Минувшим пушкинским праздником и в подмосковном Остафьеве — в бывшей усадьбе Вяземского, друга Александра Сергеевича. Наш корреспондент беседует с Алексеем САДОВСКИМ, директором Московского Музея А. С. Пушкина, филиалом которого стал музей в Остафьеве.

Пушкин

— **У**САДЬБА с удивительной судьбой. В ней бывал Пушкин, в ней Карамзин «постригся в истории», работая над «Историей государства Российского»... Словом, сложилась в доме какая-то особая духовная атмосфера. Последний владелец усадьбы Василий Шереметев уже в конце прошлого века открыл здесь музей. В 1918 году музей получил охранную грамоту от Советского государства и существовал до тридцатого года. Потом здесь был дом отдыха Совмина СССР. Самые ценные экспонаты разбрелись по крупным музеям страны. И только сейчас, когда дом отдыха наконец закрыт, перед нами стоит задача реставрировать усадьбу, ее чудесный парк, пруды, церковь Святой Троицы... Кстати, в овальном зале остафьевского дома в ноябре была открыта экспозиция, которая завершила конференцию по воссозданию Всесоюзного пушкинского общества. Так что Остафьево стало своего рода знаком этой уже полноправно действующей общественной организации.

— Знакомство с Остафьевым дает дополнительный штрих к биографии Пушкина. Не в этом ли его ценность?

— Да, конечно. Но вот что тревожит меня в последнее время. Все мы стремимся как можно больше узнать о Пушкине: какие отношения были у него с Натальей Николаевной, с царем, с Бенкендорфом... Тысячи книг написаны об этом. О Пушкине читают, а Пушкина — увы, я часто убеждаюсь в этом — нет! А ведь «суть поэта — его стихи». В них только и найдешь все для себя. Кажется, стало общим местом говорить, что в поэзии Пушкина — начало нашего самосовершенствования, доброты, терпения, прозрения, наконец... Но это так! Думаем, мечтаем, спорим мы о том сейчас, о чем думал, мечтал, спорил почти двести лет назад русский гений. Возьмем самое хрестоматийное: «...в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал». Но разве наш век не жестокий? И разве милосердие не основное наше воззвание друг к другу, не общая надежда на нравственное выздоровление общества?

Или другое: со всех трибун несутся слова о демократии, о святом долге перед Родиной. Но как часто уязняют они в инертности большинства. У Пушкина и об этом есть. Находим: «Пока свободой горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Пока... В этом маленьком словечке завет поэта нам, грядущим: нельзя рассчитывать на энтузиазм, когда человек остыл. Нельзя забегать вперед, но нельзя и медлить — от этого зависит судьба страны, судьба народа.

Верите ли, у Пушкина даже о перестройке есть. Как-то я сказал об этом в одном из высоких кабинетов. Его хозяин не поленился, поискал и позвонил: «Верно. Это в «Русалке» мельник сетует: «...То здесь, то там нужна еще починка, где гниль, где течь. Вот если б ты у князя умела выпросить на перестройку хоть несколько деньжонок...» Это, конечно, не надо понимать буквально, но суть состоит, думаю, в том, что Пушкин неисчерпаем, что каждая новая встреча с ним никогда не должна быть последней. Возвращаться к его творчеству и всякий раз черпать в нем силу — завидный удел, не правда ли?

— Пушкинское общество выбрало вас председателем Совета всех пушкинских музеев и заповедных мест. Естественно, это не может не наложить отпечаток на вашу работу...

— Только в том смысле, что я с еще большей энергией буду говорить на всех уровнях о музеях как о главных хранителях генофонда, родословной нации. Здесь нам, музейным работникам, хотелось бы следовать известной мысли поэта: нет ничего дороже, чем передать своим потомкам свое славное имя. А пушкинская стихотворная родословная? Она не оставляет сомнения в том, что Александр Сергеевич бережно относился к корням своим. За это же ратует сейчас и наше общество: за соединение порванных нитей, за необходимость осознать историю как «завет предков к потомству, ...изъяснение настоящего и пример будущего» (по Карамзину). Не будет этого, наши действительность и будущность (а именно их пополнили в свое время Пушкин и его окружение) окажутся столь же оскудевшими, что и воды Арала или Севана. Утрата эта еще более невозполнима, чем, скажем, запасы золота, нефти. Бездуховность, беспамятность нации — это ее паралич и смерть.

Возможно, малой лептой в «связывании» нитей истории окажется отдел генеалогии Музея Пушкина на Кропоткинской, основой которого станет уникальная коллекция Юрия Борисовича Шмарова. Она познакомит посетителей с генеалогией русского дворянства, представит несколько тысяч славнейших имен.

— У всех музеев, а у пушкинских, на мой взгляд, особенно, есть и другое предназначение: умиротворение, воспитание высоких чувств в народе...

— Совершенно согласен. И особенно это требуется сейчас, когда Россия, вся страна сдвинулись с места. Как бы не пришла она к беде. Помните слова Пушкина о русском бунте — бессмысленном и беспощадном? Когда человек находится в толпе, остановиться у роковой черты бывает трудно. Но даже в кино, в театре, в концерте — вы все равно в толпе. А с книгой Пушкина — наедине, в музее — тоже. Это состояние, на мой взгляд, восходит к молитве: молящийся человек остается один на один с Богом, и это очищает его душу.

— Творчество Пушкина давно и особенно в ярые наши «атеистические» времена стало для многих чем-то заменяющим религию...

— Могу только повторить слова, сказанные однажды актером Бурковым: «Есть Бог-отец, Бог-дух, а Бог-человек для меня — Пушкин». Они — стремление к идеалу, а потому, пожалуй, справедливы. Вот почему так многолюдны пушкинские праздники, так велика тяга паломников в пушкинские памятные места... Мы только год назад отметили 190-летие поэта, а уже надвигается юбилей двухвековой: девять оставшихся лет — разве это срок! Ведь сделать предстоит так много! Скажем, реставрация того же Остафьева — только бы успеть. И не из-за нашего вечного разгильдяйства, а технология того требует. Почему долго живут иконы? Оттого, что мастер нанесет слой — и пусть сохнет, еще нанесет — и еще сохнет... И мы так же хотим, чтобы на века.

И в Москве работы хватит: создаем комплекс выставочных залов на Арбате и мечтаем об общественном Пушкинском центре там же. А это и открытое хранение 150 тысяч единиц фонда, и библиотека, и конференц-зал... Впрочем, повторюсь: музеи и культурные центры сохраняют наследие веков, а сохранить Пушкина в сердце помогут лишь новые и новые встречи с ним.

Беседу вел
И. МЕДВЕДЕВА.

МОСКВА.